

Прот. А. В. Смирновъ,
Профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета.

ДОСТОЕВСКІЙ И НИЦШЕ.

П у б л и ч н а я л е к ц і я.

КАЗАНЬ.

Изданіе книжнаго магазина А. А. Дубровина.
1903

Въ книжныхъ магазинахъ

А. А. Дубровина.

Комиссіонера Императорскаго Казанскаго Университета и
Управленія Московской Синодальной Типографіи.

Казань. 1) Воскресенская улица д. Мартинсонъ и 2) Гостинный дворъ, № 1-й.

торговля существуетъ съ 1860 г.

Между прочими продаются слѣдующія книги:

Александровъ Н. Исторія еврейскихъ патріарховъ по творе-
ніямъ святыхъ и древнихъ церковныхъ писателей.
Каз. 901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анастасіевъ, А. Основы успѣшнаго обученія. Очерки дидак-
тики. Каз. 903 г. Ц. 1 р.

Благовидовъ, Ѳ. проф. Этюдъ изъ исторіи высшаго образо-
ванія въ Россіи за время Царствованія Императо-
ровъ Александра и Николая I. К. 902 г. Ц. 50 к.

Гусевъ, А. проф. О сущности религіозно-нравственнаго ученія
Л. Н. Толстого. Изд. 2-е. Каз. 902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Необходимость внѣшняго богопочтенія и мнѣнія о
немъ Л. Н. Толстого. Изд. 3-е. К. 902 г. Ц. 30 к.

Его-же Бракъ и безбрачіе въ „Крейцеровой сонатѣ“ и „по-
слѣсловіи“ къ ней Л. Толстого Изд. 3-е, дополн.
К. 901 г. Ц. 50 к.

Его-же. Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы по вопро-
су о Filioque и преступленіи. Каз. 903 г. Ц. 1 р.

Митисовъ, И. Мысли о воспитаніи Высокопреосвященнѣйшаго
Амвросія, архіепископа Харьковскаго. К. 902 г. Ц. 50 к.

Миролюбовъ, Н. Педагогическія воззрѣнія святыхъ отцовъ и
учителей Черевы. Х. 900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лантовскій, Ѳ. Современное общество въ произведеніяхъ
А. П. Чехова. Каз. 901 г. Ц. 30 к.

Прот. А. В. Смирновъ,
Профессоръ Императорскаго Казан. Университ.

ДОСТОЕВСКІЙ

И

НИЩЕ.

П у б л и ч н а я л е к ц і я.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета
1903

Печатано по опредѣленію Историко - филологическаго факультета
Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ Д. Корсаковъ.

Достоевскій и Ницше.

Для многихъ сопоставленіе нашего знаменитаго писателя Достоевскаго съ моднымъ въ настоящее время философомъ Ницше можетъ показаться нѣсколько страннымъ и пожалуй даже натянутымъ и фальшивымъ. Что можетъ быть общаго между этими двоими писателями, діаметрально расходящимися въ своихъ конечныхъ выводахъ касательно вопросовъ о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни, о нравственныхъ идеалахъ человѣка, о значеніи христіанства въ исторіи культуры и т. д? Одинъ является страстнымъ защитникомъ и проповѣдникомъ христіанской любви и личнаго самоотреченія въ пользу служенія ближнимъ; онъ благоговѣнно преклоняется и предъ евангельскимъ ученіемъ и предъ высокими идеалами русскаго православія; для него ненавистно всякое проявленіе эгоизма, въ которомъ онъ видитъ признакъ огриданія высшей культуры. Напрогивъ другой съ какою-то самодовольною гордостью называетъ себя антихристомъ и полагаетъ задачу своей литературной дѣятельности въ коренномъ разрушеніи всѣхъ тѣхъ нравственныхъ цѣнностей, которыя были установлены христіанствомъ; Ницше злобно издѣвается надъ евангельскимъ ученіемъ о кротости, милосердіи, самопожертво-

ваніи за другихъ и т. д.; мало того, онъ видитъ въ этомъ ученіи основную причину духовнаго и физическаго вырожденія современныхъ поколѣній, такъ какъ де христіанская благотворительность и состраданіе только плодятъ больныхъ и слабыхъ людей, которые безъ посторонней поддержки скоро погибли бы въ борьбѣ за существованіе и такимъ образомъ расчистили бы почву для высшей породы людей, сильныхъ своимъ тѣломъ и „волею къ власти“.

Такимъ образомъ ярый противникъ христіанства Ницше почти во всѣхъ пунктахъ своихъ воззрѣній является совершеннымъ антиподомъ Достоевскаго христіанина. И до протекшаго 1902 года, именно до появленія въ одномъ изъ богословскихъ журналовъ статьи о Ницше и Достоевскомъ, въ русской литературѣ повидимому даже не возникало и мысли дѣлать сопоставленіе между этими писателями. До сихъ поръ обращали вниманіе главнымъ образомъ на родство, замѣчаемое между взглядами Ницше и Толстого. Трудно указать, какъ въ заграничной, такъ и тѣмъ болѣе въ русской литературѣ, такое изслѣдованіе о Ницше, въ которомъ не было бы удѣлено хотя нѣсколькихъ строкъ на сопоставленіе нѣмецкаго философа съ Толстымъ; это и понятно: можно ли уклониться отъ такого сопоставленія, когда оба эти писателя самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаютъ почти весь строй современной культурной жизни? Но Достоевскій и Ницше: что можетъ быть здѣсь родственнаго и общаго?

Да, Достоевскій и Ницше въ полномъ смыслѣ слова антиподы; и однако мы осмѣливаемся утверждать, что Достоевскій въ своихъ произведеніяхъ выразилъ всю философію Ницше, по крайней мѣрѣ въ самыхъ основныхъ и существен-

ныхъ ея пунктахъ. Дѣло только въ томъ, что антихристіанское міровоззрѣніе, сродное съ ницшеанскимъ, не поработило всецѣло Достоевскаго: оно было для него лишь одною изъ переходныхъ ступеней въ образованіи его глубоко-христіанской философіи. Можетъ быть, онъ, какъ и Ницше, мучился тѣми же сомнѣніями, останавливался на тѣхъ-же дерзкихъ до преступности мысляхъ, такъ-же подходилъ къ отрицанію всякихъ моральныхъ цѣнностей, основанныхъ на христіанскомъ состраданіи, но закончилъ не закрѣпленіемъ этого отрицанія, а выработкой свѣтлаго, возвышеннаго и неизмѣримо плодотворнаго по своимъ результатамъ міросозерцанія. Весь этотъ процессъ перехода отъ сомнѣній и отрицаній къ проповѣди безграничнаго величія и мощной силы христіанской любви онъ и отобразилъ въ своихъ произведеніяхъ, и именно въ тѣхъ отрицательныхъ и несимпатичныхъ для него самого типахъ, которые онъ считалъ болѣзненнымъ порожденіемъ больного вѣка.

Не легко, не безъ борьбы, не безъ мучительной внутренней драмы досталось Ницше ниспроверженіе всѣхъ религіозныхъ и моральныхъ идеаловъ, въ которые онъ вѣрилъ въ самые счастливые годы своей жизни. Для него, воспитавшагося въ религіозной пасторской семьѣ и съ молокомъ матери всосавшаго идеалы христіанства, труднѣе, чѣмъ для кого либо другого, было отрѣшиться отъ дорогихъ традиціонныхъ завѣтовъ, которые связывали его съ горячо любимою семьею и со всѣмъ прошлымъ, столь свѣтлымъ, ограднымъ и жизнерадостнымъ. Ставши на путь разрушенія самыхъ дорогихъ идеаловъ человѣчества, онъ съ какимъ-то отчаяніемъ начинаетъ богохульствовать и дерзко глумиться надъ своими прежними свя-

тынями; но чѣмъ дальше онъ идетъ въ своемъ отрицаніи, тѣмъ невыносимѣе становятся страданія его осиротѣвшей души; онъ и самъ чувствуетъ, что жизнь, оторванная не только отъ Бога, но и отъ свѣтлыхъ идеаловъ любви и нравственной правды, становится для него мучительной, невозможной, безпросвѣтной. Даже въ минуты самого страшнаго озлобленія противъ святыхъ вѣрованій человѣчества онъ съ глубокою тоскою обращаетъ свой взоръ на свое чистое прошлое, когда онъ жилъ свѣтлыми надеждами и глубокою вѣрою во всепобѣждающую силу добра. „О, вы, образы и видѣнія моей юности! восклицаетъ онъ отъ имени Заратустры. О, мгновенія любви, божественныя мгновенія! Какъ быстро вы умерли для меня! Я вспоминаю теперь о васъ, какъ объ умершихъ для меня. Отъ васъ, самыхъ дорогихъ для меня изъ всѣхъ умершихъ, нисходитъ на меня сладкое благоуханіе, облегчающее мое сердце слезами! Поистинѣ, вы глубоко трогаете меня и облегчаете сердце одинокому пловцу. Я все еще наслѣдникъ любви вашей, разцвѣтшей въ память о васъ пестрыми, дикими добродѣтелями,—вы самые дорогіе изъ умершихъ“! (Могильная пѣсня Заратустры). А сколько муки, сколько непередаваемого трагизма, сколько смертельной тоски слышится въ страшномъ бредѣ сумасшедшаго, который, по изображенію Ницше, среди бѣлаго дня бѣгаетъ въ какомъ-то изступленіи съ фонаремъ въ рукѣ, тоскуя по утраченной вѣрѣ въ Бога! „Гдѣ Богъ? кричитъ сумасшедшій; я вамъ скажу—гдѣ: это мы его убили,—вы и я! Мы всѣ его убійцы. Но какъ могли мы это сдѣлать? Какъ могли мы выпить море? Что мы сдѣлали, когда разорвали цѣпь, которая связывала землю съ ея солнцемъ? Куда теперь она движется? Куда движемся мы сами? Не

прочь ли отъ всѣхъ солнць? Не падаемъ ли мы безостановочно въ бездну? Не блуждаемъ ли какъ бы въ безконечномъ „ничто“? Не дышетъ ли на насъ своимъ дыханіемъ безпредѣльная пустота? Развѣ не холоднѣе стало? Развѣ ночь не надвигается все ближе и ближе, распространяя темноту?— Богъ умеръ, и убили его мы, убійцы изъ убійць. Въ чемъ найдемъ мы себѣ утѣшеніе? Что было доселѣ у міра самого святого и могущественнаго, истекло кровію подъ нашимъ ножомъ. Кто смоетъ съ насъ эту кровь“? Путь отрицанія былъ для Ницше путемъ великаго страданія и страшной муки; не даромъ онъ такъ возмущался легкомысліемъ тѣхъ мелкихъ атеистовъ, которые никогда не вдумывались серьезно въ великую важность религіозной проблемы. „Свободомысліе нашихъ господъ естественниковъ, говоритъ онъ, въ моихъ глазахъ—шутка: имъ не достааетъ моей страсти въ этихъ вещахъ, моего страданія... Между тѣми, которые въ настоящее время живутъ въ Германіи (да и въ Германіи-ли только?) вдали отъ религіи, я нахожу людей всякаго рода и вида „свободо-мысля“; прежде всего я знаю множество такихъ, у которыхъ, благодаря постоянной и усидчивой будничной работѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе атрофировался религіозный инстинктъ, такъ что они даже и не знаютъ, зачѣмъ собственно нужны религіи, и съ видомъ тупого удивленія отмѣчаютъ ихъ существованіе среди людей. Они чувствуютъ себя,—эти милые люди,—достаточно занятыми своими дѣлами и удовольствіями, такъ что у нихъ по видимому совсѣмъ не остается времени для религіи, тѣмъ болѣе, что имъ не вполне ясно, о чемъ собственно здѣсь идетъ рѣчь,—о новомъ ли удовольствіи или о дѣлѣ. Не можетъ же быть, говорятъ они себѣ, чтобы въ

церковь ходили единственно затѣмъ, чтобы портить себѣ настроеніе... Вѣрующій или даже просто набожный человѣкъ не всегда можетъ представить себѣ, сколько доброй воли и рѣшимости нужно теперь нѣмецкому ученому, чтобы серьезно отнестись къ вопросу о религіи: въ силу своего ремесла онъ склоненъ относиться къ религіи съ высокоумной, почти добродушной веселостью, къ которой примѣшивается легкое презрѣніе къ „нечистоплотности“ ума, всегда предполагаемой въ людяхъ, не порвавшихъ связи съ церковію. И сколько наивности, почтенной, ребяческой и безгранично глупой наивности кроется у ученаго въ сознаніи своего превосходства, въ добросовѣстности его терпимости, въ той безпечной, легкомысленной увѣренности, въ силу которой онъ считаетъ религіознаго человѣка низшимъ сравнительно съ собой типомъ, отъ котораго онъ давно ушелъ,—онъ, маленькій, притязательный карликъ и плебей, прилежный, добросовѣстный поддепщикъ, создающій идеи, „современныя“ идеи“. Для Ницше, ушедшаго далеко отъ наивности „этихъ милыхъ людей“, религіозные и нравственные вопросы были вопросами сердца, коренными вопросами самой жизни. Несчастіе его только въ томъ, что онъ не поборолъ въ себѣ страшныхъ и мучительныхъ сомнѣній и отрицаній. И кто знаетъ?—можетъ быть Ницше, такъ часто въ теченіе своей жизни мѣнявшій свои философскія воззрѣнія, въ концѣ концовъ, подобно Достоевскому, нашелъ бы исходъ для разрѣшенія своихъ мучительныхъ сомнѣній въ отвергнутомъ имъ христіанствѣ, если бы страшный недугъ (сумасшествіе) не прекратилъ его сознательнаго существованія въ моментъ самага сильнаго напряженія его умственной дѣятельности.

И Достоевскій очевидно пережилъ въ нѣкоторой мѣрѣ тѣ-же муки отрицанія и сомнѣнія въ области религіозныхъ вопросовъ. Въ теченіе всей жизни мысль его всецѣло была прикована къ религіозно-философскимъ вопросамъ о Богѣ, о христіанствѣ, о смыслѣ жизни, о высшемъ идеалѣ нравственности, о безсмертіи, о задачахъ будущей культуры и т. д., т. е. къ тѣмъ-же самымъ вопросамъ, которые легли въ основу и философскаго міросозерцанія Ницше. Правда, Достоевскій нашелъ окончательное разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ христіанствѣ, но все же и онъ долженъ былъ пережить если не въ сердцѣ, то по крайней мѣрѣ въ мысли мучительныя минуты самыхъ страшныхъ колебаній и сомнѣній. Борьба сердечной вѣры съ этими сомнѣніями мысли по видимому продолжалась почти до самыхъ послѣднихъ дней его жизни. Нигдѣ такъ ярко не выразилась эта борьба, какъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, а между тѣмъ этотъ романъ былъ законченъ печатаніемъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, если не ошибаемся, только за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Безспорно, что въ обрисовку типа Ивана Карамазова Достоевскій внесъ значительный автобіографическій элементъ; а если это такъ, то всѣ муки религіознаго сомнѣнія Ивана Карамазова, его бунтъ противъ нравственнаго міропорядка, его постоянныя думы о томъ, есть ли Богъ и безсмертіе и т. д., были отчасти муками, думами и сомнѣніями самого Достоевскаго. Если разрушеніе религіозныхъ и моральныхъ идеаловъ досталось Ницше цѣною страшныхъ мукъ, то такую же цѣною досталась и Достоевскому религіозная вѣра; это и понятно: истинная и глубокая вѣра непременно пріобрѣтается муками колебаній, или, какъ выражается самъ Достоевскій, всякая „осан-

на“ проходить чрезъ горнило сомнѣній. Впрочемъ, мы вовсе не думаемъ утверждать, что Достоевскій началъ съ невѣрія и кончилъ вѣрою: въ глубинѣ его души, по природѣ религіозной, всегда жила вѣра въ непогрѣшимое разрѣшеніе всѣхъ высшихъ вопросовъ жизни въ христіанствѣ, но эта вѣра подвергалась нѣкоторому искушенію со стороны анализирующей мысли. Мы осмѣливаемся думать, что мучительныя сомнѣнія въ вопросахъ религіи и нравственности затрогивали скорѣе только именно мысль Достоевскаго, но не его сердце, давно нашедшее успокоеніе въ евангельскомъ ученіи, о которомъ онъ не могъ говорить безъ нѣкотораго мистическаго восторга и особенной душевной теплоты.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить еще одну общую черту въ жизни Достоевскаго и Ницше,—черту, имѣющую чрезвычайно важное значеніе для уясненія литературнаго творчества этихъ писателей. Какъ извѣстно, Достоевскій обнаруживалъ признаки какого-то нервнаго страданія, которое, развиваясь съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, получило форму падучей болѣзни. Однако это нисколько не отражалось на ясности его мышленія; напротивъ, во всѣхъ произведеніяхъ онъ поражаетъ насъ удивительною прозорливостью, необыкновеннымъ проникновеніемъ въ тайны человѣческаго сердца; не только въ русской, но и во всей міровой литературѣ трудно указать писателя, который обнаруживалъ бы такое тонкое пониманіе человѣческой психики, такое глубокое проникновеніе въ мысли, чувства, увлеченія и настроенія человѣка, какое мы встрѣчаемъ у Достоевскаго. Болѣзненными припадками почти въ теченіе всей своей жизни страдалъ и Ницше, только въ несравненно большей степени, чѣмъ Достоевскій. Болѣзнь эта превратила

его жизнь въ сплошную муку; еще въ сравнительно молодые годы онъ былъ уже дряхлымъ старикомъ и поддерживалъ свое мучительное существованіе различными успокоивающими средствами. Мы отмѣчаемъ эту общую черту въ жизни Ницше и Достоевскаго въ виду того, что ихъ болѣзненная возбудимость всецѣло отразилась и на ихъ литературныхъ произведеніяхъ. Кто непосредственно знакомился съ сочиненіями Ницше, тотъ не можетъ не признать, что онъ увлекаетъ читателя не своею логикою, не неотразительностью своихъ философскихъ доводовъ, а своею необыкновенною нервностью и страстностью. Его философскія сужденія, по сознанію даже нѣкоторыхъ его сторонниковъ, страдаютъ страшною путаницею, безнадежною туманностью и поразительными противорѣчіями, такъ что его доводы отъ разума и опыта ни для кого не убѣдительны; но Ницше дѣйствуетъ на нервы читателя, увлекаетъ его страстностью своей рѣчи, приковываетъ его вниманіе и симпатіи яркими картинами и чисто восточными образами. Онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ, что онъ не высиживалъ свои книги, а писалъ ихъ кровію, вливая въ нихъ всю свою болѣзненную возбужденность, все озлобленіе противъ наличной дѣйствительности, всю силу своего безграничнаго отчаянія. Нѣкоторыя страницы въ его сочиненіи—„Такъ сказалъ Заратустра“ напоминаютъ какой-то бредъ умоизступленнаго, но тѣмъ неотразимѣе онѣ дѣйствуютъ на легковѣрнаго и возбуждающагося читателя. Своеобразныя воззрѣнія, проповѣдуемыя Ницше, высказывались гораздо раньше и пожалуй гораздо основательнѣе его Штирнеромъ, Эмерсономъ и другими, но ихъ философскія построенія прошли почти незамѣченными именно потому, что этимъ предшественникамъ Ницше не доставало его страстности и нервной возбудимости.

Кровью и нервами писалъ свои произведенія и Достоевскій; въ этомъ отношеніи онъ представляетъ собою исключительное явленіе въ русской литературѣ. Говорятъ, что его рѣчь на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ произвела такое потрясающее впечатлѣніе, что многіе не могли сдерживать рыданій. Достоевскій дѣйствительно обладалъ даромъ такого вліянія. Нѣкоторые прямо отказываются читать произведенія Достоевскаго, такъ какъ это чтеніе слишкомъ сильно дѣйствуетъ на нервы; дѣйствительно, въ своихъ романахъ Достоевскій даетъ намъ не „легкое“ чтеніе; ихъ нельзя читать для удовольствія, для пріятнаго отдохновенія, для услажденія себя міромъ грезъ и фантазій. Они заставляютъ страдать читателя, мучиться тою же драмою жизни, тѣми-же думами и сомнѣніями, тою же любовью и ненавистью, какія переживаютъ герои этихъ романовъ; они захватываютъ всего читателя, всѣ его нервы, все сердце. Припомните нѣкоторыя потрясающія картины изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“; припомните сцену посѣщенія семьей Карамазовыхъ старца Зосимы; припомните бесѣду Ивана Карамазова съ Алешей въ трактирѣ, его бунтъ противъ нравственной правды жизни; припомните поэму „Великій инквизиторъ“,—поэму повидимому нелѣпую, до крайности фантастическую, но по глубинѣ идеи поразительную, гениально философскую; припомните, наконецъ, кошмаръ Ивана Карамазова. Во всѣхъ этихъ сценахъ столько ужасающей силы, нервной возбужденности и чрезмѣрной страстности, что читать эти картины безъ глубокаго волненія можетъ только человѣкъ съ рыбьей, холодной кровью.

Но суть дѣла не въ этихъ общихъ чертахъ сходства духовной личности и литературнаго творчества Достоевскаго

и Ницше. Мы хотимъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что вся смѣлая до преступности философія Ницше въ основныхъ своихъ чертахъ была съ поразительною точностью предугадана Достоевскимъ. Сходство здѣсь простирается до того, что иногда невольно останавливаешься на вопросѣ: не заимствовалъ ли Ницше хотя отчасти изъ произведеній Достоевскаго тѣ положенія, которыя легли въ основу его разрушительной философіи? Подобный вопросъ тѣмъ болѣе имѣетъ мѣсто, что Ницше не только былъ знакомъ съ произведеніями Достоевскаго, но и придавалъ имъ необыкновенно высокую цѣнность. Въ первые годы своего профессорства, именно въ 1873 г., Ницше писалъ къ Брандесу: „Теперь я читаю русскихъ писателей и особенно Достоевскаго. Я просиживаю надъ нимъ цѣлыя ночи и упиваюсь глубиной его мыслей“. Это не было только минутнымъ увлеченіемъ, не оставляющимъ въ душѣ никакого глубокаго слѣда; преклоненіе предъ Достоевскимъ сохранилось у Ницше до самыхъ послѣднихъ лѣтъ его литературной дѣятельности: въ сочиненіи „Помраченіе кумировъ“, написанномъ въ 1888 г., онъ уничтожаетъ всѣхъ великихъ геніевъ человѣческой мысли и ниспровергаетъ даже своихъ прежнихъ кумировъ—Шопенгауэра, Вагнера, Дарвина и другихъ, и только о Достоевскомъ выражается съ глубокимъ уваженіемъ, называя его единственнымъ психологомъ, у котораго есть чему поучиться. По видимому эти факты дѣйствительно даютъ право предполагать генетическую зависимость воззрѣній Ницше отъ Достоевскаго. Но вѣроятноѣ всего, что и Ницше и Достоевскій не зависимо другъ отъ друга только логически развивали тотъ кругъ идей, который образовался во второй половинѣ протекшаго столѣтія подъ вліяніемъ односторонняго направленія научной

и философской мысли. Поразительный даръ какого-то предвѣдѣнія подсказалъ Достоевскому, что крайній радикализмъ въ современномъ міровоззрѣніи и одностороннее пристрастіе къ матеріи въ концѣ концовъ могутъ привести челѣвѣка къ отрицанію всякихъ авторитетовъ, къ ниспроверженію всѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ основъ, къ прославленію эгоизма, насилія, преступленія и т. д.; предугадывая эти антирелигіозные и ангиморальные выводы, Достоевскій принялъ на себя какъ бы роль пророка, не только предсказывающаго будущій ходъ развитія отрицательныхъ идей, но и объявляющаго борьбу этому печальному направленію мысли во имя христіанскихъ идеаловъ любви, правды и всепрощенія. На Ницше оправдалось это предвѣдѣніе Достоевскаго: воспитавшійся въ духѣ идей Шопенгауэра, Ренана и Дарвина, Ницше сдѣлалъ самые крайніе выводы изъ этихъ идей и пришелъ къ отрицанію всѣхъ тѣхъ святыхъ вѣрованій челѣвѣчества, которыя до сихъ поръ были самыми надежными для него руководителями по пути нравственной правды. То, что было для Достоевскаго въ образахъ Раскольникова и Ивана Карамазова, можетъ быть, только логическою возможностью, въ ученіи Ницше сдѣлалось дѣйствительнымъ фактомъ. Впрочемъ нельзя отрицать и прямого вліянія Достоевскаго на Ницше; правда, послѣдній всюду хочетъ выставить себя оригинальнымъ и независимымъ мыслителемъ; но новѣйшія изслѣдованія о Ницше заставляютъ сильно сомнѣваться въ его полной независимости.

Прежде чѣмъ говорить о томъ, какъ выразились ницшеанскія воззрѣнія въ сочиненіяхъ Достоевскаго, необходимо хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ изложить основную сущность философіи Ницше.

Исходнымъ пунктомъ для міровоззрѣнія Ницше является протестъ противъ современнаго направленія человѣческой культуры. Для Ницше былъ положительно ненавистенъ нынѣшній человѣкъ, по его мнѣнію слишкомъ болѣзненный, слабовольный, благодушный; такъ какъ у этого человѣка жизненный инстинктъ крайне пониженъ и принесенъ въ жертву вымышленнымъ идеальнымъ цѣнностямъ, то будущій прогрессъ человѣчества становится при настоящихъ условіяхъ совершенно не возможнымъ: если жить такъ, какъ мы живемъ теперь, то нужно осудить человѣческій родъ на окончательное вырожденіе и уничтоженіе. По этому нужно въ самомъ корнѣ измѣнить тѣ принципы жизни, которыми руководится европеецъ нашихъ дней, и главнымъ образомъ сдѣлать рѣшительную переоцѣнку существующихъ моральныхъ цѣнностей. Все, что понижаетъ и ослабляетъ жизнь, все это должно быть отвергнуто, хотя бы всѣми людьми признавалось за высшее добро; и наоборотъ, все, что дѣлаетъ жизнь интенсивнѣе, что сообщаетъ ей изобиліе и тропическую силу, все это должно быть признано, какъ самая цѣнная основа жизни. „Если я, говоритъ Ницше, увижу, что истина, нравственность, добро, однимъ словомъ всѣ цѣнности, которыя подъ этими и имъ подобными наименованіями почитаются людьми и являются понынѣ общепризнанными,—если я увижу, что онѣ вредны для жизни, я буду отрицать ихъ, будь это наука или мораль“.

Въ существующей нынѣ и общепризнанной морали нужно различать, говоритъ Ницше, два противоположныхъ элемента: мораль господскую и мораль рабскую; изъ нихъ послѣдняя въ настоящее время подъ вліяніемъ христіанства получила господствующее значеніе. На зарѣ европейской цивили-

лизаціи хищное, воинственное племя, порабощавшее болѣе слабыя и миролюбивыя племена, опредѣляло цѣнность человека и его дѣйствій исключительно только съ точки зрѣнія силы и воинской доблести; хорошимъ и благороднымъ этотъ хищникъ—аристократъ считалъ все то, что обезпечиваетъ ему успѣхъ на войнѣ; поэтому власть, сила, смѣлость, хитрость, жестокость и даже кровожадность по отношенію къ врагу казались ему лучшими и благороднѣйшими свойствами человека. Напротивъ, всякая слабость, трусость, приниженность, мягкость, состраданіе и готовность къ самопожертвованію вызвали въ немъ презрѣніе и считались чѣмъ-то дурнымъ и порочнымъ. Подобные хищники—властелины налагали на себя обязательства только по отношенію къ равнымъ себѣ; здѣсь они строго придерживались выполненія требованій: уважай подобныхъ себѣ аристократовъ, мсти за обиду, плати добромъ за добро и зломъ за зло, будь вѣренъ въ словѣ и дѣлѣ, почитай старость и т. д. Въ средѣ господъ строго поддерживались традиціонные обычаи, которымъ были подчинены воспитаніе дѣтей, заключеніе браковъ и взаимныя отношенія между старымъ и юнымъ поколѣніями. Но по отношенію къ чужимъ и рабамъ эти аристократы не стѣсняли себя никакими обязательствами: здѣсь имъ было позволено все, всякая жестокость, всякая несправедливость. Подобные моральные взгляды не только способствовали сохраненію аристократическаго племени въ первоначальной чистотѣ, полагая преграды къ сліянію его съ рабскимъ племенемъ, но и развивали въ немъ жизнерадостность, сознаніе своей силы и красоты, чувство полной самоудовлетворенности.

Рабская мораль выработала совершенно иныя цѣнности: здѣсь нравственно добрымъ стала считаться не жестокость, а

милосердіе и состраданіе, не война, а миръ, не ненависть, а любовь. Властелины—хищники по оцѣнкѣ рабовъ явились самыми дурными и порочными людьми. Въ рабской морали возведено было на степень нравственного идеала все, что клевещетъ на жизнь, принижаетъ ея цѣнность, что уничтожаетъ жизнерадостность; по этой морали цѣли жизни не по сторону, не на землѣ, не въ наслажденіяхъ тѣла, а по ту сторону, на небѣ; поэтому смерть есть только желанное убѣжище отъ тягостей земной жизни.

Рабская мораль совершенно обезцѣнила жизнь и положила предѣлъ дальнѣйшей здоровой человѣческой культурѣ. Но не смотря на то, что въ ней съ перваго же разу замѣтны были задатки смерти и разложенія, она одержала верхъ надъ господской моралью. Возстаніе рабовъ въ морали совершилось въ средѣ еврейскаго народа, который самымъ жестокимъ образомъ отомстилъ господамъ, установивъ скрижаль рабскихъ цѣнностей и замѣнивъ ими аристократическія цѣнности. Евреи провозгласили, что „хорошіе—это исключительно несчастные, бѣдные, безсильные и униженные; благочестивы—только страждущіе, живущіе въ нуждѣ, больные, безобразные; только они любимы Богомъ, только имъ уготовано блаженство: напротивъ, всѣ вы, знатные и сильные, вы вѣчно были и вѣчно останетесь злыми, жестокими, ненасытными, развратными, нечестивыми; вы навѣки будете лишены блаженства, будете осуждены и прокляты“! Но эта еврейская скрижаль цѣнностей не вдругъ одержала побѣду; только христіанство, работавшее на томъ-же пути, послѣ двухъ-тысячелѣтней борьбы придало этимъ моральнымъ цѣностямъ непрерываемое значеніе. Чтобы закрѣпить эти цѣнности, христіанство измыслило различныя

фiкцiи въ родѣ свободы воли, существованiя души, какъ независимаго отъ тѣла начала, и главнымъ образомъ грѣховности человѣка предъ Богомъ: признанiе этой безконечной виновности предъ Богомъ заставляетъ человѣка намѣренно стремиться къ страданiю, какъ средству для заглаженiя своей вины, упражняться въ подвигахъ аскетизма, заглушать въ себѣ врожденные инстинкты и т. д. Здѣсь источникъ христiанскаго нигилизма, христiанскаго отрицанiя реальнаго мiра, ненависти къ дѣйствительности: на мѣсто реальности были поставлены фiкцiи, которыя заставили человѣка забывать о землѣ и стремиться только къ по-ту-стороннему. Но главный грѣхъ христiанства,—этой религiи страждущаго человѣчества,—заключается, по мнѣнiю Ницше, въ его проповѣди о жалости, милосердiи и состраданiи, такъ какъ это состраданiе представляетъ собою самое страшное зло жизни. Вмѣсто того, чтобы помогать естественному подбору и стремиться къ выработкѣ высшаго человѣческаго типа, сильнаго и тѣломъ и духомъ, мы путемъ состраданiя покровительствуемъ выражающимся, поддерживаемъ слабыхъ, сохраняемъ массу бесполезныхъ существованiй, осуждаемыхъ закономъ подбора на вымирание и уничтоженiе. Нашъ долгъ по отношенiю къ жизни заключается въ томъ, чтобы освободить эту жизнь отъ всякихъ уродливостей, отъ всякаго безсилiя, болѣзненности и безобразiя: не поддерживай того, что падаетъ отъ собственнаго безсилiя, а помоги ему скорѣе упасть, разложиться и уничтожиться: на тучной, удобренной почвѣ этихъ разложившихся труповъ скорѣе расцвѣтетъ роскошный цвѣтокъ, т. е. высшiй типъ человѣческой породы—сверхъ-человѣкъ.

Въ основѣ состраданiя, по мнѣнiю Ницше, лежитъ болѣзненная боязнь страданiя, такъ рѣзко обнаруживающаяся

въ наше чахлое время. Больше всего дорожа безопасностью и благосостояніемъ, вѣчно мечтающій о счастіи и благополучіи, современный человѣкъ не только боится собственныхъ страданій, но онъ не можетъ выносить вида даже и чужихъ страданій, и поэтому назойливо лезетъ съ навязчивымъ и оскорбительнымъ сожалѣніемъ всюду, гдѣ видитъ болѣзнь, страданіе и уродство. Человѣкъ, сильный волею къ власти и обнаруживающій въ себѣ избытокъ жизни, не только не боится страданія, но считаетъ его необходимымъ средствомъ для воспитанія въ себѣ мужества, отваги и силы. „Вы желали бы, говоритъ Ницше, упразднить страданіе? А мы,—мы, кажется, предпочли бы, чтобы оно стало болѣе тяжелымъ, чѣмъ когда нибудь было! То благополучіе, которое вы рисуете,—вѣдь это не цѣль: мы сказали бы—это конецъ. Такое состояніе благополучія превратило бы человѣка въ нѣчто столь же смѣшное, сколько и презрѣнное: желать такого состоянія значитъ желать уничтоженія человѣчества. Развѣ не извѣстно вамъ, что школою страданія, великаго страданія, создано все, до чего понинѣ съумѣлъ возвыситься человѣкъ? Это напряженіе при несчастіи, воспитывающее въ человѣческой душѣ силу, этотъ ужасъ, овладѣвающій ею предъ лицомъ гибели, эта изобрѣтательность и отвага, съ какой она научается нести свое горе, терпѣть его до конца, осмысливать и извлекать изъ него пользу, однимъ словомъ—все, что только есть въ человѣческой душѣ глубокаго, таинственнаго скрытнаго, мудраго, хитраго, тонкаго, величественнаго,—развѣ все это дано не страданіемъ, развѣ получено это не путемъ наученія чрезъ страданіе“?

Если цѣлью жизни не можетъ служить счастье и благополучіе, то такую цѣлью не можетъ быть и выгода. Утилитаризмъ есть такая моральная система, которая, подобно христіанству, также клеветаетъ на жизнь и отрицаетъ ее; это та же рабская мораль. Вѣдь если мы признаемъ принципомъ жизни только пользу, то мы должны отказаться отъ борьбы и искать мира и скучнаго до тошноты благополучія. Высшій человѣкъ есть творецъ жизни, созидающій и свое добро и свою истину: онъ ищетъ новыхъ, болѣе совершенныхъ формъ жизни путемъ всевозможнаго рода опытовъ и надъ собой и надъ другими: онъ смѣлый игрокъ, ведущій страшную игру на жизнь и на смерть, ставящій на карту не только жизнь и счастье другихъ, но и счастье свое собственное.

Ницше на ряду съ общепризнанными моральными цѣнностями отрицаетъ и весь строй современной жизни. Онъ никакъ не можетъ примириться съ стремленіемъ современныхъ поколѣній къ осуществленію идеи равенства всѣхъ людей. Пока существуетъ родъ человѣческій, до тѣхъ поръ по его мнѣнію должно существовать и раздѣленіе людей на господъ и рабовъ; поэтому и республиканцы, и демократы и анархисты задаются утопическими цѣлями, когда мечтаютъ объ обществѣ, гдѣ нѣтъ никакой іерархіи, нѣтъ ни господъ, ни рабовъ, гдѣ всѣ имѣютъ одинаковыя права. Какъ бы ни передѣлывали общество, въ немъ всегда будетъ существовать стадо рабовъ, нуждающихся въ господинѣ. Никогда не можетъ быть достигнуто и равенство женщины съ мужчиной, такъ какъ неравенство половъ есть необходимый законъ природы. Какъ въ обществѣ, такъ и въ семьѣ должны всегда существовать господа и рабы; характерное свойство мужчины—

это стремленіе къ власти, женщина же создана только для любви и повиновенія: „Счастье мужчины выражается формулою—я хочу, а счастье женщины—онъ хочетъ“. И горе женщинѣ, а тѣмъ болѣе—горе мужчинѣ, если этотъ непреложный законъ взаимныхъ отношеній между полами будетъ измѣненъ и нарушенъ. Всецѣло занятый войною и достиженіемъ власти, мужчина долженъ видѣть въ женщинѣ не кумира, которому онъ отдаетъ всю душу, а только успокоеніе отъ трудовъ, только игрушку, хрупкую, драгоцѣнную, но въ то-же время и опасную, потомучто въ женщинѣ есть хитрость и гибкость, свойственныя кошачьей породѣ. Въ жизни женщины любовь и ребенокъ все; ея мечты объ эмансипаціи, ея вмѣшательство въ литературу, науку, политику и промышленность, ея соперничество съ мужчиной въ борьбѣ за существованіе,—все это заслуживаетъ только самой горькой и злой насмѣшки; для женщины это путь къ гибели и окончательному рабству, такъ какъ, утрачивая свою таинственность, поэтичность и очаровательность, она утрачиваетъ и свое значеніе въ глазахъ мужчины.

Чтобы направить человѣческую жизнь на новый путь, нужно, говоритъ Ницше, отказаться отъ всѣхъ фикцій, отъ всѣхъ призрачныхъ цѣнностей, подъ ярмомъ которыхъ человечество находилось до сихъ поръ: нужно отказаться отъ Бога, такъ какъ ему нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ новомъ строѣ жизни: когда человѣкъ разовьетъ въ себѣ волю къ власти, тогда онъ не будетъ выносить соперничества съ собой даже Бога. „Если бы Богъ былъ, воскликаетъ Ницше, то какъ бы я могъ вынести, что я не богъ“? Нужно далѣе отказаться отъ мысли о небѣ, о безсмертіи и загробной жизни,

потому что сосредоточивая свое вниманіе на по-ту-стороннемъ, человѣкъ забываетъ свои обязанности по отношенію къ землѣ. Нужно, далѣе, побороть въ себѣ состраданіе къ человѣческому несчастію, какого бы труда это ни стоило; это будетъ самая страшная, но и самая плодотворная побѣда. Заратустра, это олицетвореніе будущаго сверхъ-человѣка, вознесся выше всего человѣчества только тогда, когда одержалъ побѣду надъ жалостью и этимъ заслужилъ безграничное уваженіе со стороны самаго уродливаго изъ людей, возненавидѣвшаго всѣхъ сострадательныхъ и даже самого сострадательнаго Бога.

Всѣ цѣли, всѣ усилія человѣка должны быть направлены къ тому, чтобы произвести высшій человѣческій типъ, именно сверхъ-человѣка. Пусть современный человѣкъ разлагается, какъ трупъ, пусть онъ идетъ по пути самоупражнения, пусть онъ испытываетъ всѣ муки страданія и отвращенія къ жизни: чѣмъ быстрѣе совершается обнищаніе человѣчества, тѣмъ ближе мы подходимъ къ возжелѣнной эпохѣ сверхъ-человѣка. Нынѣшній человѣкъ есть только канатъ или мостъ отъ животнаго къ человѣку. Какъ путемъ совершающагося въ мірѣ трансформизма, путемъ естественнаго подбора, борьбы за существованіе и т. д. животное развилось до человѣческаго вида, такъ и современный человѣкъ путемъ тѣхъ же законовъ эволюціи можетъ выработать высшій сравнительно съ собой типъ, именно типъ сверхъ-человѣка. „Что такое для человѣка обезьяна? спрашиваетъ Заратустра. Посмѣшище или стыдъ и боль. Тѣмъ же самымъ долженъ стать для сверхъ-человѣка нынѣшній человѣкъ: посмѣшищемъ или стыдомъ и болью“.

Что же такое этотъ сверхъ-человѣкъ? Прежде всего онъ творецъ жизни, созидатель всѣхъ ея цѣнностей. Для него не

существуетъ ни добра, ни зла, ни истины, ни заблужденія: добро то, что онъ дѣлаетъ и чего желаетъ, и истина то, что онъ мыслить. Высшимъ принципомъ для него является формула ассасиновъ (т. е. убійць): „нѣтъ ничего истиннаго, все позволительно“. Высшею добродѣтелью сверхъ-человѣка является сила и твердость, въ чемъ бы она ни проявлялась; побѣдивши въ себѣ всякое чувство состраданія, онъ считаетъ позволительнымъ для себя всякое хищничество, жестокость, присвоеніе чужого, грабежъ болѣе слабыхъ, мстительность и т. д. „Видѣть страданія, говоритъ Ницше, пріятно, а причинять страданія еще пріятнѣе“. Все, въ чемъ только можетъ проявляться воля къ власти, все это и должно считаться высшею добродѣтелью сверхъ-человѣка. Избытокъ фѣзической силы и здоровья долженъ быть поставленъ на первомъ планѣ въ ряду его достоинствъ. А разумъ? ну, разумъ для этого творца жизни пожалуй и излишенъ. „Слабые, говоритъ Ницше, всегда умнѣе сильныхъ. Дарвинъ упустилъ изъ вниманія разумъ и забылъ о томъ, что слабые обладаютъ разумомъ въ большей степени. Тотъ, кто владѣетъ силой, тотъ освобождается отъ разума“. Единственнымъ мотивомъ всѣхъ дѣйствій сверхъ-человѣка является жажда могущества и эгоизмъ: онъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ инстинктамъ, такъ какъ „обязанность побѣждать инстинкты выработана въ эпоху упадка“. Сладострастіе, по мнѣнію Ницше,—это оклеветанная добродѣтель: „для слабаго оно дѣйствительно сладкій ядъ, а для сверхъ-человѣка, обладающаго волею льва, оно—великое сердечное подерѣпленіе и благоговѣнно сбереженное вино изъ всѣхъ винъ“. Вся жизнь сверхъ-человѣка представляетъ собою постоянную борьбу, такъ какъ только борьба является вѣр-

нѣйшимъ залогомъ прогресса: чѣмъ меньше мира и чѣмъ больше уклоненія жизни отъ покоя и равновѣсія, тѣмъ полнѣе и интенсивнѣе для него жизнь. Только въ борьбѣ онъ можетъ испытывать бодрое настроеніе счастливаго игрока и восторгъ невиннаго ребенка, рѣзвящагося и пляшущаго. Богатство и избытокъ жизни всегда проявлялись въ большей мѣрѣ въ тѣхъ людяхъ, которые не хотѣли подчиняться установленному порядку жизни и такъ или иначе нарушали безмятежное спокойствіе общества и единичныхъ личностей. Съ этой точки зрѣнія преступники являются не худшими, а лучшими людьми, только не имѣющими силы вслѣдствіе современныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ проявить въ полной мѣрѣ дикость первобытнаго бѣлокурого звѣря, т. е. воинственнаго и жизнерадостнаго дикаря, и инстинктъ мощнаго человѣка; въ преступникѣ эта благородная дикость бѣлокурой бестіи не уничтожена, а только ослаблена утонченными пороками культурнаго человѣка. Вотъ почему Ницше отыскиваетъ въ исторіи нѣкоторое подобіе своему будущему сверхчеловѣку не въ тѣхъ геніяхъ человѣчества, предъ которыми благоговѣлъ и благоговѣетъ міръ, а въ тѣхъ представителяхъ жестокости и порочности, о которыхъ можно вспоминать или съ ужасомъ или съ омерзѣніемъ. Онъ восхищается Наполеономъ, но не его геніальностью, а главнымъ образомъ его жестокостью и властью, которая ни предъ чѣмъ не останавливалась. Наполеонъ, говоритъ Ницше, „это единственный, поздно родившійся человѣкъ, бывшій воплощеніемъ проблемы высшаго идеала; это синтезъ безчеловѣчности и сверхчеловѣчности“. Съ преклоненіемъ предъ Наполеономъ еще можно такъ или иначе помириться, но возводить въ идеаль безгранично порочнаго Че-

заре Борджіа, этого отвратительнаго злодѣя, убившаго роднаго брата и нѣсколькихъ дѣтей, обезчестившаго родную сестру, развратнаго сверхъ всякаго представленія,—это уже крайній предѣлъ безумія и потери всякаго нравственнаго чувства. А Ницше прямо восхищается этимъ позоромъ челоувѣчества: Чезаре Борджіа, говоритъ онъ, это „классическій, страшный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полный блеска идеаль; въ эпоху ренессанса онъ былъ отраднымъ возрожденіемъ идеала классической эпохи, когда все оцѣнивалось съ точки зрѣнія господской морали“.

Мораль или, лучше сказать, имморальность сверхъ-человѣка должна быть, по мнѣнію Ницше, достояніемъ только небольшого числа высшихъ существъ, которыя составятъ изъ себя аристократическую касту и явятся высшимъ цвѣтомъ жизни и смысломъ земли. Но на ряду съ ними будетъ существовать и низшая каста; это та безцвѣтная толпа посредственностей, на счетъ которой будетъ жить высшая каста; для этихъ людей нужна и религіозная вѣра, и опредѣленная скрижаль моральныхъ цѣнностей, и мечты о по-ту-стороннемъ; но больше всего имъ нужно подчиненіе чужой волѣ, рабская покорность властвующимъ надъ ними аристократамъ. Это рабы, существующіе только для того, чтобы пресмыкаться предъ высшими классами и исполнять черную работу въ области земледѣлія, промышленности и пожалуй даже въ наукѣ и искусствѣ. Единственный законъ для нихъ—воля господина, созидающаго жизнь.

Еще два слова о ницшеанской теоріи вѣчнаго возвращенія жизни. Сущность этой теоріи заключается въ слѣдующемъ. Число элементовъ, изъ которыхъ состоитъ жизнь міра,

и количество силъ, дѣйствующихъ во вселенной, представляють собою величину постоянную, конечную и строго определенную; слѣдовательно и количество сочетаній этихъ элементовъ и ихъ комбинацій, какъ бы оно ни было безгранично велико, точно также составляетъ величину конечную и постоянную. А если это такъ, то при безконечномъ существованіи вселенной всякая форма жизни, какъ результатъ извѣстной комбинаціи элементовъ, должна въ тотъ или иной моментъ времени повториться во всѣхъ подробностяхъ и деталяхъ, такъ какъ по непреложно дѣйствующему закону причинъ и слѣдствій извѣстная комбинація силъ повлечетъ за собою другую, эта третью и т. д., при чемъ эти комбинаціи будутъ слѣдовать одна за другой въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали за милліоны лѣтъ прежде и будутъ слѣдовать чрезъ милліоны лѣтъ послѣ. „Каждое состояніе, говоритъ Ницше, въ какомъ только возможно очутиться міру, уже должно было имѣть мѣсто въ прошедшемъ, и не разъ, а неисчислимо количество разъ. Вотъ и настоящее мгновеніе: оно уже когда нибудь приходило,—и много разъ, и опять возвратится совершенно въ томъ-же видѣ, при томъ-же распредѣленіи силъ, какое имѣется теперь. Человѣкъ! Жизнь твоя, вся цѣликомъ, вѣчно будетъ, подобно песочнымъ часамъ, перевертываться на прежнее положеніе и затѣмъ снова истекать черезъ промежутокъ времени въ огромную минуту, въ теченіе которой всѣ породившія тебя условія опять успѣютъ собраться во едино въ круговоротѣ мірового движенія. И тогда ты снова найдешь каждую свою боль и каждую свою радость, и cadaго друга и cadaго врага, и каждую надежду и каждое заблужденіе, и каждую былинку и каждый солнечный лучъ, и совокупность всего вообще“.

Какъ видите, чрезъ всю философію Ницше проходитъ одна общая мысль: право на жизнь имѣютъ только рѣдкіе избранники, воспитавшіе въ себѣ волю къ власти и ставшіе владыками и созидателями жизни, а вся остальная жалкая посредственность только задерживаетъ выработку высшаго человѣческаго типа; она представляетъ только тормазъ въ прогрессивномъ развитіи жизни. Итакъ: все—для рѣдкихъ избранниковъ и ничего—для многомилліонной массы.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ философія Ницше, и рожденіе этой-то философіи нашъ великій провидецъ Достоевскій предугадалъ въ то время, когда Ницше совсѣмъ еще не выступалъ въ печати,—предугадалъ на основаніи только глубокаго проникновенія въ смыслъ и послѣдствія того направленія мысли, которое зародилось и развилось на его глазахъ. Намеки на ницшеанскія идеи мы встрѣчаемъ уже въ „Запискахъ изъ подполья“, появившихся въ печати въ 1846 г. Эти Записки и по внѣшней формѣ нѣсколько напоминаютъ манеру писанія Ницше: въ существѣ дѣла это рядъ афоризмовъ или даже парадоксовъ, идущихъ большею частію въ разрѣзъ съ обычными представленіями; только здѣсь больше юмора и злой ироніи, чѣмъ у Ницше. Обитатель подполья, отставной коллежскій асессоръ, до мозга костей пропитанный скептицизмомъ и озлобленный противъ всѣхъ и всего, какъ бы переворачиваетъ вверхъ дномъ установившіяся представленія о жизни и человѣкѣ. Это страшный эгоистъ, думающій и говорящій только о себѣ; онъ мнителенъ и обидчивъ, по собственному сознанію, какъ горбунъ или карликъ; завидуя всѣмъ, онъ готовъ всякое достоинство человѣка превратить въ порокъ. Умъ человѣка для него скорѣе признакъ ненормальности и

слабости. „Умный человекъ, говоритъ онъ, не можетъ серьезно чѣмъ нибудь сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ нибудь только дуракъ. Да—съ, человекъ 19-го столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ; человекъ же съ характеромъ, дѣятель,—существомъ по преимуществу ограниченнымъ“. „Непосредственного человека, который, какъ быкъ, прямо претъ къ цѣли и умѣетъ постоять за себя, я и считаю настоящимъ, нормальнымъ человекомъ, какимъ хотѣла его видѣть сама нѣжная мать природа, любезно зарождающая его на землѣ. Я такому человеку до крайней желчи завидую. Онъ глупъ, я въ этомъ съ вами не спорю, но, можетъ быть, нормальный человекъ и долженъ быть глупъ,—почему вы знаете? Можетъ быть, это даже очень красиво“. Нужно сознаться, что это очень похоже на ницшеанскую похвалу глупости. Обитатель подполья подвергается сомнѣнію и то значеніе современной цивилизаціи, которое ей обыкновенно приписывается: онъ даже склоненъ думать, что въ концѣ концовъ цивилизація можетъ привить человеку даже наслажденіе кровью. „Бокль, говоритъ онъ, утверждаетъ, что отъ цивилизаціи человекъ смягчается, слѣдственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ. По логикѣ—то у него, кажется, выходитъ и такъ. Но оглянитесь кругомъ: кровь рѣкою льется, да еще развеселымъ такимъ образомъ, точно шампанское. Вотъ вамъ Наполеонъ—и великій и темпераментный. Вотъ вамъ Сѣверная Америка—вѣковѣчный союзъ. И что такое смягчаетъ въ насъ цивилизація? Она вырабатываетъ въ человекѣ только многосторонность ощущеній и... рѣшительно ничего больше. А чрезъ развитіе этой многосторонности человекъ еще, пожалуй, дойдетъ до того,

что отыщеть въ крови наслажденіе. Вѣдь это ужъ и случилось съ нимъ. Замѣчали ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которымъ всѣ эти разные Атиллы, да Стеньки Разины иной разъ въ подметки не годились? По крайней мѣрѣ отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ, если не болѣе кровожаденъ, то ужъ навѣрно хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде“. Развѣ здѣсь не слышится намекъ на ницшеанскія мечты о будущей человѣческой культурѣ? только здѣсь во всемъ сквозить иронія, а Ницше самымъ серьезнымъ образомъ увѣряетъ, что кровожадность есть одно изъ проявленій высшаго человѣчества типа. Въ „Запискахъ изъ подполья“ вы найдете мысли и о томъ, что собственная мука можетъ до-
 ставлять человѣку наслажденіе, что для него часто пріятно не только видѣть страданія другихъ, но и причинять эти страданія. Но особенно интересенъ взглядъ обитателя под-
 полья на цѣль и мотивы человѣческихъ дѣйствій. Онъ смѣет-
 ся надъ общераспространеннымъ мнѣніемъ, будто человѣкъ руководится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ представленіемъ вы-
 годы и подсказами разума и, если онъ иногда причиняетъ себѣ вредъ, то будто только потому, что не знаетъ своихъ интере-
 совъ. „О, младенецъ! восклицаетъ онъ. О, чистое, невинное дитя! Да когда же бывало во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной вы-
 годы? Что же дѣлать съ милліонами фактовъ, свидѣтельствую-
 щихъ о томъ, какъ люди *завнамо*, т. е. вполне понимая свои настоящія выгоды, отставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ не принуждаемые къ тому, а какъ будто именно толь-

ко не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно проби-
вали другую, трудную, нелѣпую, отыскивая ее чуть не въ
потемкахъ... Всѣ эти статистики, мудрецы и любители рода
человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоян-
но одну выгоду пропускаютъ; даже и въ расчетъ ее не бе-
рутъ въ томъ видѣ, въ какомъ слѣдуетъ ее брать; а отъ это-
го и весь расчетъ зависить... Я нисколько не удивлюсь, если
вдругъ ни съ того ни съ сего, среди всеобщаго будущаго
благоразумія возникнетъ какой нибудь джентльменъ, съ не-
благородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣш-
ливой фізіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ
всѣмъ: а что, господа, не столенуть ли намъ все это благо-
разуміе съ одного разу ногой, прахомъ, единственно съ тою
цѣлію, чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это
бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непременно послѣдо-
вателей найдеть: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ са-
мой пустѣйшей причины,—именно оттого, что человѣкъ всегда
и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ
хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и вы-
года. Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой
собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія,
раздраженная иногда хоть бы до съумасшествія,—вотъ это все
и есть та самая выгодная выгода, которая ни подъ какую
классификацію не подходитъ... Вѣдь этотъ свой капризъ и
въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть всего выгоднѣе для
нашего брата изъ всего, что есть на землѣ, особенно въ
иныхъ случаяхъ, потому что сохраняетъ намъ самое главное
и самое дорогое, т. е. нашу личность и нашу индивидуаль-
ность".—Такъ мечтаетъ обитатель подполья: и что же? на-

смѣшливый джентльменъ, отшвырнувшій ногою всякое благо-
разуміе, дѣйствительно явился и даже нашелъ послѣдователей.—
Еще одна мысль изъ Записокъ подпольнаго обитателя: „можетъ
быть, спрашиваетъ онъ, человѣкъ любить не одно благоден-
ствіе? Можетъ быть онъ ровно настолько же любить страда-
ніе? Любить только одно благоденствіе даже какъ-то и не-
прилично. Хорошо ли, дурно-ли, но разломать иногда что
нибудь то-же очень пріятно“. А Ницше даже и не задается
вопросомъ,—хорошо ли это и дурно, а онъ прямо говоритъ,
что чѣмъ больше высшій человѣкъ ломаетъ, тѣмъ лучше.

Но гораздо подробнѣе и систематичнѣе развиты ницшеан-
скія воззрѣнія въ знаменитомъ романѣ Достоевскаго—„Пре-
ступленіе и наказаніе“. Герой этого романа Раскольниковъ, бѣдный
студентъ университета, убилъ старуху процентщицу не по
преступному направленію своей воли, а въ силу извѣстной
моральной теоріи, извѣстныхъ взглядовъ на нравственные за-
дачи жизни. А сущность этой теоріи заключается въ слѣду-
ющемъ (постараюсь излагать словами самого Раскольникова).
„Люди по закону природы раздѣляются, вообще, на два раз-
ряда: на низшій (обыкновенныхъ), т. е. такъ сказать,—на
матеріаль, служащій единственно для зарожденія себѣ подоб-
ныхъ, и собственно на людей, т. е. имѣющихъ даръ или та-
лантъ сказать въ своей средѣ *новое слово*. Первый разрядъ,
т. е. матеріаль,—люди по натурѣ своей консервативные, чин-
ные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными: они
и обязаны быть послушными, потому что это ихъ назначеніе.
Второй разрядъ—это преступники закона, разрушители или
склонные къ тому, смотря по способностямъ. Если ему надо
для своей идеи перешагнуть хотя бы и черезъ трупъ, черезъ

кровь, то онъ внутри себя, по совѣсти, можетъ дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь. Если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ нибудь комбинацій, никоимъ образомъ не [могли стать извѣстными людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ бы этому открытію, то Ньютонъ имѣлъ бы право и даже былъ бы обязанъ устранить этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству. Всѣ законодатели и установители человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и т. д.,—всѣ до единого были преступники уже тѣмъ однимъ, что, давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, свято-читимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій, и ужъ конечно не останавливались передъ кровью, если только кровь (иногда совсѣмъ невинная и доблестно пролитая за древній законъ) могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Еслибы у Наполеона не было ничего, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода черезъ Монъ-Бланъ, а была бы вмѣсто всѣхъ этихъ красивыхъ и монументальныхъ вещей, просто на-просто, одна какая нибудь смѣшная старушонка, которую вдобавокъ еще надо убить, чтобъ изъ сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то), то его не только не покорило бы, но онъ даже и не понялъ бы, чего тутъ коробиться? И ужъ если бы только не было ему другой дороги, то задушилъ бы такъ, что и пикнуть бы не далъ, безъ всякой задумчивости. Наполеонъ—вотъ настоящій властелинъ; ему все разрѣшается: онъ

громить Тулонъ, дѣлаеть рѣзню въ Парижѣ, забываетъ армію въ Египтѣ, тратить полмилліона людей въ Московскомъ походѣ и отдѣляется каламбуромъ въ Вильнѣ; и ему же по смерти ставятъ кумиры, а стало быть и все разрѣшается. Первый разрядъ людей, именно—людей обыкновенныхъ, всегда господинъ настоящаго, второй—господинъ будущаго; первые сохраняютъ міръ и приумножаютъ его численно, вторые двигаютъ міръ и ведутъ его къ цѣли. Огромная масса людей,—матеріаль, для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, чрезъ какое-то усиліе, какимъ-то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какогонибудь перекрещиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтъ ну-хоть изъ тысячи одного, хоть скольконибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкою самостоятельностью рождається, можетъ быть, изъ десяти тысячъ одинъ (я говорю примѣрно, наглядно); еще съ болѣе широкою—изъ ста тысячъ одинъ; геніальныя люди изъ милліоновъ, а великіе геніи, завершители человѣчества, можетъ быть, по истеченіи многихъ тысячъ милліоновъ людей на землѣ. Законъ у людей всегда былъ одинъ: кто крѣпокъ и силенъ духомъ, тотъ надъ ними и властелинъ. Кто много посмѣетъ, тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣе. Власть дается только тому, кто посмѣетъ склониться и взять ее. Тутъ одно только, одно: стоитъ только посмѣть! Такова чисто ницшеанская теорія Ра-скольниковъ о волѣ къ власти. Исходя изъ этой теоріи, онъ соблазнился мыслію: „какъ же это ни единый до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелѣпости,

взять просто за-просто все за хвостъ и стряхнуть въ черту"? И ему показалось, что убить зловредную старуху процентщицу все равно, что раздавить по его словамъ мокрицу или убить вошь. И онъ убилъ старуху, но вмѣстѣ съ нею убилъ и себя и свое право на жизнь.

Другой типъ истаго ницшеанца мы встрѣчаемъ у Достоевскаго въ лицѣ Ивана Карамазова. Страшный стептикъ и отрицатель, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относящійся къ окружающей его средѣ, гдѣ онъ видитъ только убогую посредственность, Иванъ Карамазовъ стоитъ на границѣ полного отрицанія всѣхъ религіозныхъ и моральныхъ идеаловъ. Онъ готовъ пожалуй покончить всякіе счеты съ принципами любви и милосердія, чтобы положить начало новой жизни на землѣ. Но для этого нужно, по его мнѣнію, прежде всего навсегда устранить вѣру въ Бога и въ безсмертіе. „Уничтожьте, говоритъ онъ, въ человѣчествѣ эту вѣру, и тогда въ немъ тотчасъ-же изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать міровую жизнь. Мало того: тогда уже ничего не будетъ безнравственнаго, все будетъ позволено, даже антропофагія. Но и этого мало: для каждаго частнаго лица, не вѣрующаго ни въ Бога, ни въ безсмертіе свое, нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему религіозному, и эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ человеку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и пожалуй благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи“. Чтобы передѣлать жизнь, не нужно даже никакого и переворота: „надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ,—вотъ съ чего надо приняться за дѣло!.. Разъ человѣче-

ство поголовно отречется отъ Бога, то само собою падетъ прежнее міровоззрѣніе и, главное,—вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое. Люди соединятся, чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непременно для счастья и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской титанической гордости и явится человеко-богъ. Ежечасно побѣждая уже безъ границъ природу волею своею и наукой, человѣкъ тѣмъ самымъ еже-часно будетъ ощущать наслажденіе столь высокое, что оно замѣнитъ ему всѣ прежнія упованія наслажденій небесныхъ. Всякій узнаетъ, что онъ смертенъ весь, безъ воскресенія, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ богъ.. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, новый порядокъ пожалуй еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему „все позволено“. Мало того: если даже этотъ періодъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и бессмертія все таки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать человеко-богомъ даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и ужъ конечно въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ онъ перескочитъ всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если это понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ, тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ-же будетъ первое мѣсто; „все дозволено и шабашъ“. Если бы я не предупредилъ васъ, что приведенныя воззрѣнія заимствованы изъ сочиненій Достоевскаго, то вы имѣли бы полное право подумать, что это выдержка изъ сочиненій Ницше. Здѣсь такъ полно выраженъ прин-

ципъ воли къ власти, такъ рѣзко отмѣчена генетическая связь между атеизмомъ и имморализмомъ сверхъ-человѣка или человѣко-бога, такъ ясно высказанъ принципъ ассасиновъ—„все позволено“, что мы имѣемъ полное основаніе называть Ивана Карамазова настоящимъ прототипомъ Ницше.

И въ „Бѣсахъ“ есть ницшеанскій типъ,—это Алексѣй Нилычъ Кирилловъ, который „совсѣмъ отвергаетъ нравственность и держится новѣйшаго принципа всеобщаго разрушенія для добрыхъ окончательныхъ цѣлей“. Онъ также мечтаетъ о новомъ типѣ человѣка, новомъ не въ духовномъ только смыслѣ, но и въ физическомъ: это будетъ совершенно новая порода живыхъ существъ, которая возвысится до бога. Чтобы достигнуть такого величія, нужно только освободиться отъ страха смерти и боли. „Вся свобода будетъ тогда, говорить Кирилловъ своимъ полурусскимъ языкомъ, когда будетъ все равно жить или не жить. Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все равно жить или не жить, тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ богъ будетъ. А тотъ Богъ не будетъ. Тогда новая жизнь, тогда новый человѣкъ, все новое. Тогда исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ гориллы до уничтоженія Бога, и отъ уничтоженія Бога до перемѣны земли и человѣка физически. Будетъ богъ и перемѣнится физически. И міръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли, и всѣ чувства“. Проповѣдая самоубійство, какъ путь къ побѣдѣ надъ страхомъ боли и смерти, Кирилловъ вовсе не думаетъ оправдывать мрачный пессимизмъ и обезцѣнивать жизнь, отдавая предпочтеніе небытію предъ бытіемъ; своей странной философіей онъ

хочетъ напротивъ возвысить цѣнность и значеніе жизни и указать человѣку путь въ величію. „Теперь всякій, говоритъ онъ, можетъ сдѣлать, что Бога не будетъ и ничего не будетъ. Кто убьетъ себя только для того, чтобы страхъ убить, тотъ тотчасъ богъ станетъ“.

Замѣчательно, что даже и теорія Ницше о вѣчномъ возвращеніи жизни въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ чертахъ выражена у Достоевскаго. Помните адскую легенду, рассказанную Ивану Карамазову его двойникомъ? Либеральный мыслитель былъ осужденъ пройти во мракѣ квадриллионъ километровъ, на что потребовалось приблизительно около билліона лѣтъ. На вопросъ Карамазова: откуда могли взяться эти билліонъ лѣтъ? двойникъ объяснилъ: „да вѣдь ты думаешь про нашу теперешнюю землю! Да вѣдь теперешняя земля, можетъ, сама-то билліонъ разъ повторялась; ну, отживала, леденѣла, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составныя начала, опять—вода яже бѣ надъ твердію, потомъ опять комета, опять солнце, опять изъ солнца земля,—вѣдь это развитіе, можетъ, уже безконечно разъ повторяется, и все въ одномъ и томъ-же видѣ, до черточки. Скучища неприличнѣйшая“... Для ницшеанскаго круговорота мірового движенія у Достоевскаго есть даже особый терминъ—„циклъ временъ“.

Повторяемъ, что отрицательные типы Достоевскаго-Раскольниковъ и Карамазовъ съ ихъ immoralными взглядами, можетъ быть, совсѣмъ не были вдохновителями Ницше, который явился только крайнимъ выразителемъ отрицательныхъ идей нашего времени, столь безпринципнаго, такъ далеко стоящаго отъ точнаго и опредѣленнаго рѣшенія вѣчныхъ вопросовъ о смыслѣ жизни и конечномъ назначеніи человѣка. Но тѣмъ пора-

зительнѣе предвѣдѣніе Достоевскаго. Онъ какъ бы воочію созерцалъ будущее, былъ какъ бы ясновидцемъ тѣхъ печальныхъ результатовъ, къ которымъ должно придти будущее поколѣніе, въ случаѣ отреченія отъ идеаловъ вѣры, правды и любви.

Но Достоевскій не только предугадалъ нарожденіе нищезанятства: онъ далъ и глубоко-правдивый отвѣтъ на всѣ запросы возстающаго противъ Бога и Его правды ума. Онъ говоритъ, что всѣ эти преступныя мечты о будущемъ челоуѣкобогѣ, для котораго не существуетъ никакого закона, кромѣ собственнаго своеволія, есть печальный плодъ односторонняго направленія мысли, всецѣло приковавшейся къ землѣ, къ матеріи, къ видимости, и отрѣшившейся отъ тѣхъ духовныхъ интересовъ, которые открываются въ христіанствѣ.

Достоевскій никакъ не могъ понять тѣхъ аристократическихкихъ тенденцій, по которымъ вся жизнь принадлежитъ только рѣдкимъ и исключительнымъ избранникамъ. Защитникъ униженныхъ и оскорбленныхъ, онъ желалъ, чтобы и эти униженные имѣли свою долю радости и счастья въ жизни. „Я нивогда не могъ понять мысли, писалъ онъ въ своемъ Дневникѣ писателя, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитіе, а остальные девять десятыхъ должны лишь послужить къ тому матеріаломъ и средствомъ, а сами оставаться во мракѣ. Я не хочу мыслить и жить иначе, какъ съ вѣрой, что всѣ наши девяносто милліоновъ русскихъ (или сколько ихъ тамъ находится) будутъ всѣ когда нибудь образованы, очеловѣчены и счастливы“.

Ницше съ ненавистью относится къ христіанству по-

тому, что будто оно обезцѣннваетъ жизнь и ослабляетъ чело-
вѣческую волю, воспитывая нищихъ духомъ, мечтателей о по-
ту-стороннемъ, презрѣнныхъ трусовъ, не выносящихъ ни соб-
ственного, ни чужого страданія. Да вѣдь это, говоритъ До-
стоевскій, самая страшная ложь, самая возмутительная кле-
вета на христіанство. Какъ же оно обезцѣннваетъ жизнь,
когда оно устами одного христіаннѣйшаго христіанина назы-
ваетъ его даромъ прекраснымъ, даромъ безцѣннымъ, когда
оно со всею страстностію боролось и борется съ самоволь-
нымъ расчетомъ съ жизнью? Христіанство де пассивно, оно
де не воспитываетъ героев! Да припомните только христіан-
скихъ мучениковъ, которые шли не на авось, а на самую
вѣрнѣйшую смерть не только безъ содраганія, но можетъ быть
и съ святой улыбкой на устахъ. Припомните всѣхъ этихъ
подвижниковъ, всѣхъ этихъ столпниковъ, молчальниковъ, за-
творниковъ: какими бы глазами мы ни смотрѣли на нихъ, все рав-
но нельзя не признать въ нихъ поразительной мощи духа, съ ко-
торою можетъ быть нельзя сравнить даже удивляющую насъ
силу духа великихъ героев древняго и новаго міра. То было
многія сотни лѣтъ тому назадъ, а нынѣ?—спросите вы. И нынѣ
эти великіе герои духа существуютъ, но мы уже разучились
цѣнить это христіанское геройство. Въ 1875 г. 21 ноября въ
Маргеланѣ унтеръ-офицеръ 2-го туркестанскаго стрѣлковаго
батальона Оома Даниловъ, захваченный въ плѣнъ кипчаками,
былъ варварски умерщвленъ ими послѣ многочисленныхъ и
утонченнѣйшихъ истязаній за то, что не хотѣлъ перейти къ
нимъ въ службу и въ магометанство. Сами мучители удиви-
лись силѣ его духа и дали ему имя батырь, т. е. богатырь.
По поводу этой мученической смерти Достоевскій писалъ въ своемъ

Дневникѣ: „Ѳома Даниловъ съ виду можетъ быть однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ экземпляровъ народа русскаго, непримѣтныхъ какъ самъ народъ русскій. Можетъ быть, въ свое время онъ не прочь былъ погулять, выпить, можетъ быть даже не очень молился, хотя конечно Бога всегда помнилъ. И вотъ вдругъ велятъ ему переимѣнить вѣру, а не то—мученическая смерть. При этомъ надо вспомнить, что такое бывають эти муки, эти азіатскія муки! Предъ нимъ самъ ханъ, который обѣщаетъ ему свою милость, и Даниловъ отлично понимаетъ, что отказъ его непременно раздражитъ хана, раздражитъ и самолюбіе кипчаковъ тѣмъ. „что смѣетъ, дескать, христіанская собака такъ презирать исламъ“. Но, не смотря на все, что его ожидаетъ, этотъ непримѣтный русскій чело-вѣкъ принимаетъ жесточайшія муки и умираетъ, удививъ истязателей. Знаете что, господа: вѣдь изъ насъ никто бы этого не сдѣлалъ. Пострадать на виду иногда даже и красиво, но вѣдь тутъ дѣло произошло въ совершенной безвѣстности, въ глухомъ углу: никто-то не посмотрѣлъ на него; да и самъ Ѳома не могъ думать, что его подвигъ огласится по всей землѣ русской. Я думаю, что иные великомученики, даже и первыхъ вѣковъ христіанскихъ, отчасти все же были облегчены и утѣшены, принимая муки, тѣмъ убѣжденіемъ, что смерть ихъ послужитъ примѣромъ для робкихъ и колеблющихся и еще большихъ привлечетъ ко Христу. Для Ѳомы даже и этого великаго утѣшенія быть не могло: кто узнаетъ? онъ былъ одинъ среди мучителей. Былъ онъ еще молодъ; тамъ гдѣ-то у него молодая жена и дочь, никогда-то онъ ихъ теперь не увидитъ, но пусть: „гдѣ бы я ни былъ, противъ совѣсти моей не поступлю и мученія приму“. Подлин-

но ужъ правда для правды, а не для красоты! Скажугъ: единственный случай! Нѣтъ, нѣтъ: такихъ случаевъ и въ наше время можно указать не десятки, а сотни, а можетъ быть и тысячи: вспомните миссіонеровъ, идущихъ на вѣроятную смерть, вспомните самоотверженныхъ трудниковъ страдающаго человѣчества, во имя Христа дѣлающихъ святое дѣло въ средѣ прокаженныхъ, въ холерныхъ и чумныхъ баракахъ. Христіанство именно воспитываетъ героевъ духа.

Христіанство, говоритъ Ницше, клеветаетъ на жизнь, прививая человѣку сознаніе виновности и грѣховности и укрѣпляя его въ мистическомъ взглядѣ на жизнь. Нѣтъ, говоритъ Достоевскій, не христіанство прививаетъ человѣку мысль о его грѣховности: это—вѣковѣчное сознаніе падшаго человѣка, выразившееся во всѣхъ религіяхъ, во всѣхъ религіозныхъ культахъ. Разъ въ человѣческой жизни существуетъ зло, то человѣкъ не можетъ не завинить себя въ этомъ злѣ, иначе придется завинить Бога. Но это сознаніе грѣховности, по крайней мѣрѣ въ христіанствѣ, нисколько не ослабляетъ радости и свѣтлаго взгляда на жизнь: не даромъ оно такъ глубоко не сочувствуетъ новѣйшему пессимизму. Достоевскій особенно дорожилъ этою мыслию. Маркель, братъ старца Зосимы, передъ смертію весь проникся идеею общей человѣческой виновности и въ то-же время былъ охваченъ чувствомъ какой то особенной, восторженной жизнерадостности. „Милые мои, говорилъ онъ, всякій изъ насъ предъ всѣми виноватъ. Не знаю, какъ истолковать это, но чувствую, что это такъ, до мученія. Пусть я грѣшенъ предъ всѣми, да за то и меня всѣ простятъ (когда сознаютъ свою виновность): вотъ и рай. Жизнь то, жизнь-то предъ нами какая,—веселая, радостная. Одного дня довольно

человѣку на землѣ, чтобы все счастье узнать“. „Други мои, поучаль старецъ Зосима, просите у Бога веселья. Будьте веселы какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи, не бойтесь, что затретъ онъ дѣло ваше и не дастъ ему совершиться; не говорите: „силенъ грѣхъ, сильно нечестіе“; бѣгите сего унынія“.

Цѣль жизни и смыслъ земли, говоритъ Ницше, есть сверхъ-человѣкъ: онъ созидатель жизни и творецъ ея цѣнностей; для него не существуетъ закона, ему все позволено. Мысль для иныхъ соблазнительная, заманчивая. Но что будетъ, если, выражаясь словами Достоевскаго, этотъ новый чинъ сверхъ-человѣка или человѣко-бога соблазнить не людей съ могучею силою льва, а людей только самомнительныхъ, ослѣпленныхъ своими мнимыми и призрачными достоинствами? Согласитесь, что подобныя самообольщенія очень возможны, примѣромъ чего служить герой „Преступленія и наказанія“ Раскольниковъ, а позднѣйшая литература даже очень и очень богата подобными типами; стало быть, они возможны и въ жизни. Что, если эти самозванные сверхъ-человѣки вздумаютъ руководиться страшнымъ принципомъ Ницше: нѣтъ ничего истиннаго, все позволительно? Вѣдь они могутъ насадить такую культуру, которой не позавидовали бы пожалуй и современники пещернаго медвѣдя. Много шуточного въ словахъ судебного слѣдователя Порфірія Петровича къ Раскольникову по поводу его теоріи о двухъ разрядахъ людей, но за шуткою слышится и глубокая правда. „Чѣмъ-же, спрашивалъ онъ Раскольникова, отличить-то этихъ необыкновенныхъ людей (т. е. сверхъ-человѣковъ) отъ обыкновенныхъ? При рожденіи знаки чтоль такіе есть? Я въ томъ смыслѣ

что тутъ надо бы побольше точности, такъ сказать, болѣе наружной опредѣленности: нельзя ли тутъ одежду, наприм., особую завести, носить клеймы что ли тамъ какія? Потому, согласитесь, если произойдетъ путаница, и одинъ изъ одного разряда вообразить, что онъ принадлежитъ къ другому высшему разряду, т. е. вообразить, что онъ Ликургъ или Магометъ,—будущій разумѣется,—и начнетъ устранять препятствія, такъ вѣдь тутъ "... Да, тутъ можетъ наступить эпоха не сверхъ-человѣка, а сверхъ-звѣря.

Своимъ аскетизмомъ, говоритъ Ницше, христіанство хочетъ заглушить въ насъ инстинкты и ослабить плоть, которая, какъ и духъ, имѣетъ свои права. Но и здѣсь нужно бы побольше точности и опредѣленности, т. е. нужно бы указать, какіе инстинкты слѣдуетъ признать здоровыми и нормальными. Есть люди съ непреодолимою, болѣзненною склонностью къ воровству; это такъ называемые клептоманы; есть дѣти, у которыхъ похотливыя желанія развиваются раньше половой зрѣлости. Неужели можно признать и эти инстинкты нормальными и законными? Неужели можно оправдать даже самыхъ отвратительныхъ сладострастниковъ, въ родѣ Федора Павловича Карамазова? Для сверхъ-человѣка съ сильно развитою волею къ власти, по мнѣнію Ницше, допустимо проявленіе всякихъ инстинктовъ, хотя бы даже сладострастія, жестокости, кровожадности и преступности, потому что во всемъ этомъ обнаруживается энергія жизни, ея избытокъ. Но вѣдь и въ сверхъ-человѣкѣ должны же сохраниться основные элементы человѣческой природы. А если это такъ, то быть не можетъ, чтобы даже и сверхъ-человѣкъ могъ, наприм., проливать человѣческую кровь съ такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какимъ

онъ истребляетъ вредныхъ паразитовъ. Преступленіе не возвышаетъ, а напротивъ понижаетъ энергію жизни. Вотъ какъ изображаетъ Достоевскій состояніе Раскольникова послѣ совершеннаго имъ убійства: „съ нимъ совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда не бывалое. Если бы теперь вдругъ комната наполнилась первѣйшими друзьями его, то у него, кажется, не нашлось бы для нихъ ни одного человѣческаго слова,—до того вдругъ опустѣло его сердце. Мрачное ощущеніе мучительнаго, безконечнаго уединенія и отчужденія вдругъ сознательно сказалось душѣ его. Еслибы его приговорили даже сжечь въ эту минуту, то и тогда онъ не пошевелился бы, даже врядъ-ли прослушалъ бы приговоръ внимательно. И что всего мучительнѣе: это было болѣе ощущеніе, чѣмъ сознаніе, чѣмъ понятіе, ощущеніе самое мучительное изъ всѣхъ, до сихъ поръ пережитыхъ жизнью... Въ немъ было какое-то безконечное, почти физическое отвращеніе ко всему встрѣчавшемуся и окружавшему, упорное, злобное, ненавистное. Ему гадки были всѣ люди, гадки были ихъ лица, походка, движенія. Просто наплеваль бы на когонибудь, укусилъ бы, кажется, если бы ктонибудь съ нимъ заговорилъ... „Мать, сестра, говорилъ Раскольниковъ, какъ любилъ ихъ! А теперь,—теперь я ихъ ненавижу, физически ненавижу, подлѣ себя выносить не могу“. Это ли избытокъ жизни? Правда, Раскольниковъ—обыкновенный средній человѣкъ, но вѣдь и для сверхъ-человѣка ничто человѣческое не должно быть чуждо. Не даромъ отзывчивая сердцемъ Соня пала на колѣни предъ Раскольниковымъ, не даромъ прозорливый старецъ Зосима поклонился до земли Дмитрію Карамазову: оба они преклонились предъ человѣческимъ страданіемъ, потому-

что нѣтъ ничего несчастнѣе опустошенной души преступника.

Ничто такъ не ненавистно Ницше, какъ христіанское состраданіе, которое дескать покровительствуетъ неудачнымъ экземплярамъ человѣческой породы и мѣшаетъ выработкѣ высшихъ типовъ. Напротивъ, Достоевскій является самымъ горячимъ проповѣдникомъ идеи христіанской жалости и состраданія; ни у одного писателя не развита эта идея съ такою подробностію, какъ у него; самыя вдохновенныя мѣста въ его произведеніяхъ посвящены именно изображенію возражающей и всеобновляющей силы жалостливой любви. Чувство состраданія, говоритъ Достоевскій, не есть какое нибудь наносное чувство, со стороны привитое человѣку; нѣтъ, это коренная потребность человѣческой души, такъ сказать — его врожденный инстинктъ, обнаруживающійся даже въ страшныхъ преступникахъ. Тотъ самый Иванъ Карамазовъ, который мечтаетъ объ отвергнувшемъ всякій нравственный законъ будущемъ человѣко-богѣ, этотъ Карамазовъ поднимаетъ бунтъ противъ нравственного міропорядка изъ-за жалости къ невиннымъ, но часто безжалостно мучимымъ дѣтямъ: „подивись на меня, Алеша, говоритъ онъ брату: я ужасно люблю дѣточекъ... Я зналъ одного разбойника въ острогѣ: ему случалось въ свою карьеру, избивая цѣлыя семейства въ домахъ, въ которые забирался по ночамъ для грабежа, зарѣзывать за одно и нѣсколько дѣтей. Но, сидя въ острогѣ, онъ ихъ до странности любилъ. Изъ окна острога онъ только и дѣлалъ, что смотрѣлъ на играющихъ на тюремномъ дворѣ дѣтей... Отвѣчай мнѣ: представь, что это ты самъ возводишь зданіе человѣческой судьбы, съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ наконецъ миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо

предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданье и на неотомщенных слезках его основать это зданіе, согласился ли бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ"? Развѣ не слышится въ этомъ вопросѣ глубочайшая, ничѣмъ не истребимая и не заглушимая потребность состраданія?—Для отзывчиваго сердца въ этомъ состраданіи весь смыслъ, вся цѣль жизни. Помните бѣднаго старичка чиновника Макара Дѣвушкина въ рассказѣ „Бѣдные люди"? Для него только и было радости въ жизни, чтобы всего себя принести въ жертву заботамъ о бѣдной, обиженной судьбой дѣвушкѣ. Только Ницше не можетъ понять этого страшнаго вопля бѣднаго старика, расстающагося съ предметомъ своей жалости: „да какъ-же можетъ быть такое, Варинька? Къ кому же я письма буду писать, маточка? Да! Вотъ вы возьмите-ка въ соображеніе, маточка: дескать, къ кому же онъ письма-то будетъ писать? Кого же я маточкой-то называть буду? Именемъ-то любезнымъ такимъ кого называть буду? Я умру, Варинька, непременно умру; не перенесетъ мое сердце такого несчастія! Я для васъ только и жилъ однѣхъ! Я и работалъ, и бумаги писалъ, и ходилъ, и гулялъ, и наблюденія мои бумагѣ передавалъ въ видѣ дружескихъ писемъ, все оттого, что вы, маточка, здѣсь, напротивъ, поблизости жили. Какъ же это можетъ быть, чтобы вы отъ насъ уѣхали? Тутъ рѣчь идетъ о жизни человѣческой“.

Каждый человѣкъ по природѣ своей въ той или иной мѣрѣ не только страдаетъ другому, но и самъ нуждается въ сострадательномъ отношеніи къ себѣ другихъ. И въ этомъ для него нѣтъ ничего обиднаго и унижительнаго, если только сюда не примѣшивается высокоумное презрѣніе къ слабо-

сти другого. Не парадоксъ, не вымученную мысль высказываетъ Достоевскій устами пропившагося чиновника Мармеладова, а глубоко жизненный психологическій фактъ: „вѣдь, надобно же, чтобы всякому человѣку хоть куда нибудь можно было пойти, чтобы у всякаго человѣка было хоть одно такое мѣсто, гдѣ бы и его пожалѣли“. И это безусловно вѣрно не только по отношенію къ слабымъ, униженнымъ и оскорбленнымъ, но и по отношенію къ сильнымъ и мощнымъ характерамъ, ибо и они не свободны отъ страданія: а гдѣ есть страданіе, тамъ есть потребность и въ состраданіи.

Ницше утверждаетъ, что состраданіе понижаетъ жизнедѣятельность и только увеличиваетъ сумму страданія на землѣ: жалостливый человѣкъ, говоритъ онъ, не только вноситъ лишнюю каплю горечи въ положеніе несчастнаго, оскорбляя его своею навязчивостью, но и къ своимъ собственнымъ личнымъ страданіямъ присоединяетъ еще долю чужихъ. Но какъ это несправедливо! сколько здѣсь навѣяннаго гордостью и презрѣніемъ къ людямъ! Именно состраданіе-то и вліяетъ на жизнь возвышающимъ образомъ. Мы видѣли уже, что чиновникъ Дѣвушкинъ только путемъ жалостливой любви осмыслилъ свою жизнь, внесъ въ нее больше содержанія и интенсивности; не мало онъ внесъ отрады, ободренія и энергіи въ жизнь и покровительствуемой имъ дѣвушки. У Достоевскаго есть маленькая картина, въ которой выражена мысль, что двѣ несчастныя женщины въ самый, можетъ быть, трагическій моментъ своей жизни находятъ примиреніе съ жизнію и успокоеніе отъ горя только во взаимномъ состраданіи. Дочь Мармеладова Соня продала себя ради спасенія семьи; на это паденіе натолкнула ее раздраженнымъ словомъ въ минуту без-

умнаго отчаянiя горячо любившая ее мачиха Катерина Ивановна; и вотъ въ день паденiя, рассказываетъ Мармеладовъ, Соня „пришла домой, и прямо къ Катеринѣ Ивановнѣ, и на столъ передъ ней 30 цѣлковыхъ молча выложила. Ни словечка при этомъ не вымолвила, хоть бы взглянула, а взяла только нашъ большой драдедамовый зеленый платокъ, накрыла имъ голову и лицо и легла на кровать, лицомъ къ стѣнѣ, только плечики да тѣло все вздрагиваютъ... А я,— да-съ, я пьяненькiй лежалъ. И видѣлъ я тогда, молодой человекъ, видѣлъ я, какъ затѣмъ Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла къ Сонечкиной постелькѣ и весь вечеръ въ ногахъ у ней на колѣнкахъ простояла, ноги ей цѣловала, встать не хотѣла, а потомъ такъ обѣ и заснули вмѣстѣ, обнявшись“. Когда я представляю себѣ эту картину взаимныхъ объятiй погубившей и погубленной, мнѣ припоминается другая картина, именно пророческая картина будущаго царства Божiя, когда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ агнцомъ, и теленокъ и молодой левъ и волъ будутъ пастись вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. Состраданiе именно есть отблескъ чистаго неба на нашей грѣшной и грязной отъ человѣческихъ пороковъ землѣ. Оно только и вноситъ въ нашу жизнь отрадный лучъ свѣта, возвышая и облагораживая даже людей, по видимому нравственно погибшихъ. Безнадежный пропойца Мармеладовъ, доведшiй своимъ порокомъ свою семью до нищеты, а свою дочь до паденiя, долженъ бы по видимому возбуждать въ насъ одно только отвращенiе и презрѣнiе; онъ и самъ сознаетъ себя грязною свиньею и прирожденнымъ скотомъ; но въ то-же время онъ обнаруживаетъ такое отзывчивое сердце, такой страшный надрывъ жалостливой любви и къ

женѣ и къ дочери, что мы въ концѣ концовъ примиряемся съ нимъ, начинаемъ даже замѣчать въ немъ черты благородства и возвышенныхъ чувствъ. Нѣтъ, состраданіе не понижаетъ жизнь, а возвышаетъ ее; въ немъ есть элементъ обновленія и возрожденія. Сколько отчаявшихся людей воскресли къ новой разумной и осмысленной жизни только благодаря тому, что на ихъ пути встрѣтилась добрая и сострадательная душа! Послѣ совершеннаго преступленія Раскольниковъ получилъ полное отвращеніе къ жизни; душа его заледенѣла, и все будущее казалось ему безпросвѣтнымъ; даже искупительный подвигъ каторжнаго страданія не могъ возратить его къ осмысленной жизни. Но безграничная жалостливая любовь Сони, добровольно послѣдовавшей за нимъ въ каторгу, произвела полный переворотъ въ его душѣ: онъ понялъ тогда, что и ему еще можно любить жизнь, если въ ней не всѣмъ еще оскудѣло добро, не перевелась высшая изъ добродѣтелей—состраданіе.

И эту-то великую нравственную силу Ницше хочетъ истребить изъ человѣческой жизни. Онъ даже желаетъ, чтобы человѣчество отказалось отъ идеи сострадательнаго Бога. Но чѣмъ же человѣкъ будетъ жить-то тогда? Вѣдь эта идея есть единственный якорь спасенія, за который цѣпляется человѣкъ, чтобы не потерять окончательно воли къ жизни; вѣдь въ этой идеѣ столько утѣшенія и ободренія для насъ, что не будь ея, мы всѣ прокляли бы день нашего рожденія. Простите, что затягиваю время, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести отрывокъ изъ рѣчи того-же несчастнаго Мармеладова. „Зачѣмъ жалѣть меня, говоришь ты? Да! Меня жалѣть не за что! Меня распять надо, распять на крестѣ, а не жа-

лѣтъ! Но распни, судія, распни, и распявъ пожалѣй! Но пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, и Кто всѣхъ и вся понималъ,—Онъ Единый, Онъ и Судія. Придетъ въ тотъ день и спроситъ: „А гдѣ дочь, что мачихѣ злой и чахоточной, что дѣтямъ чужимъ и малолѣтнимъ себя предала? Гдѣ дочь, что отца своего земного, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла“? И скажетъ: „Приди! Я уже простилъ тебя разъ... простилъ тебя разъ... Прощаются же и теперь грѣхи твои мнози за то, что возлюбила много“. И проститъ мою Соню, проститъ, я ужъ знаю, что проститъ. И всѣхъ разсудитъ и проститъ, и добрыхъ и злыхъ, и премудрыхъ и смиренныхъ, и когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: „Выходите, скажетъ, и вы! Выходите, пьяненькіе, выходите, слабенькіе, выходите, соромники“. И мы выйдемъ всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: „Свиньи вы! образа звѣринаго и печати его; но приидите и вы!“ И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: „Господи! Почто сихъ пріемлеши?“ И скажетъ: „Потому ихъ пріемлю, премудрые, потому пріемлю разумные, что ни единый изъ сихъ самъ не считалъ себя достойнымъ сего...“ И простретъ къ намъ руцѣ Свои, и мы припадемъ... и заплачемъ... и все поймемъ! Тогда все поймемъ! и всѣ поймутъ“...

Смѣла до преступности и оригинальна до парадоксальности философія Ницше, и въ этомъ ея обаятельная сила. Но христіанская мораль опирается на такія прочныя основы, удовлетворяетъ такимъ кореннымъ и глубоко внедреннымъ въ человѣческую душу потребностямъ, представляетъ изъ себя такую вѣчную несокрушимую силу, что временное и преходящее увлеченіе ницшеанствомъ не замедлитъ разсѣяться, какъ утрен-

ній туманъ предъ лучами лѣтняго солнца. Пока человѣкъ не заглушилъ въ себѣ образа Божія, пока онъ не отказался отъ своего разума и своей совѣсти, до тѣхъ поръ онъ будетъ предпочитать добро злу, состраданіе жестокости, любовь ненависти, до тѣхъ поръ будетъ всегда прислушиваться къ христіанскому призыву любимѣйшаго Достоевскимъ героя Алеши Карамазова: „Милые друзья мои! будемъ прежде всего добры, потомъ честны, потомъ—будемъ жалѣть другъ друга. Ахъ милые друзья мои! не бойтесь жизни! Какъ хороша жизнь, когда сдѣлаешь что нибудь хорошее и правдивое!“

- Его-же. Идеализмъ въ произведеніяхъ Вл. Короленко. Каз.
901 г. Ц. 25 в.
- Пономаревъ, И. Литературныя мнѣнія И. С. Тургенева. Каз.
901 г. Ц. 25 в.
- Предтѣченскій, С. проф. Парижскій Университетъ въ средніе
вѣка. Каз. 901 г. Ц. 30 в.
- Рождествинъ, А. Вл. С. Соловьевъ, какъ поэтъ. Каз. 901 г.
Ц. 10 в.
- Его-же. Жизнь и поэзія Нивитина. Каз. 902 г. Ц. 35 в.
- Его-же. Семь словъ Христа Спасителя со креста. Каз. 1903
года. Ц. 10 в.
- Соловьевъ, А. Невозможность религіи безъ представленія о
личномъ Богѣ. Астр. 902 г. Ц. 35 в.
- Харламповичъ К. Западнорусскія православныя школы XVI
и начала XVII вѣка. Каз. 1898 г. Ц. 3 р.
- Царевскій А. проф. Саровская пустынь. Ко дню прославленія
великаго подвижника Саровскаго отца Серафима.
Каз. 903 г. Ц. 30 в.
- Шестановъ, Д. Личность и творчество Гоголя. Каз. 1902 г.
Ц. 30 в.
- Его же Семья и Народъ въ произведеніяхъ Г. И. Успенскаго.
Каз. 903 г. Ц. 25 в.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Нагорная проповѣдь Іисуса Христа. Вып. 1-й Каз. 1888 года. цѣна 60 к.

Современные идеалы воспитанія. Каз. 1896 г. ц. 30 к.

Мессіанскія ожиданія и вѣрованія Іудеевъ около временъ Іисуса Христа. К. 1899 г. ц. 3 р.

Апокрифы ветхаго завѣта: Вып. 1-й. Книга Еноха. 1888 года ц. 1 р. 50 к.

Выпускъ 2-й Книга юбилеевъ или малое Бытіе. К. 1895 года ц. 1 р. 25 к.

Выпускъ 3-й. Псалмы Соломона, съ приложеніемъ одъ Соломона. Каз. 1896 г. ц. 75 к.

Цѣна 35 коп.
